

на которомъ бы можно было видѣть эту предварительную работу «самоизсушенія», очерствленія сердца, этой новой жертвы «этического» на алтарь «эстетическаго»... Въ Андрѣ мы встрѣчаемся съ чѣмъ то уже готовымъ, во всеоружіи атрибутовъ его силы, гдѣ «эстетическое» и трудъ его завоеванія уже — *consummatum est*; но уже въ силу именно этой видимой наружной прочности его драпировки—и легко такъ обмануться, —принявъ кн. Андрея за нѣчто установившееся въ своемъ міросозерцаніи, между тѣмъ какъ это — все тотъ же, но уже взрослый Иртеневъ, все еще продолжающій только «играть въ *большаго*»; ибо какъ тотъ, будучи еще отрокомъ, находилъ удовольствіе, въ столкновеніяхъ съ своими аристократическими сверстниками, раздражать большимъ, копируя съ нихъ умѣнье скрывать истинныя свои чувства, боясь «осердечиваться» и «разоткровенничаться» въ выраженіи своихъ задушевныхъ желаній, такъ и этотъ продолжаетъ, болѣе только удачно, опыты «самоочерствленія» въ видахъ вящаго торжества *взрослаго* разсудка, не замѣчая, въ то же время, какъ самъ онъ еще дѣтски продолжаетъ мечтать, только мечтать и мечтать... Иртеневъ мечталъ о томъ, какъ онъ лишь скажетъ: «Иртеневъ Николай» — и всѣ поразятся этимъ извѣстіемъ, всѣ обступятъ его и т. д.; кн. Андрей мечтаетъ (при сознаніи, что онъ «ничего не знаетъ») о томъ, какъ онъ совершитъ нѣсколько такихъ красивыхъ подвиговъ, что сдѣлается «спасителемъ отечества и слава его вознесется наравнѣ съ славою Наполеона.» И каждый разъ, какъ русская армія оказывалась въ затруднительномъ и критическомъ положеніи, ему тотчасъ же приходило въ голову, что ему-то и именно теперь, въ эту минуту, предназначено вывести ее изъ этого положенія, что вотъ онъ «тотъ Тулонъ, который откроетъ